

УДК 94(47).081

## ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЭПОХИ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» (1860-1870-е ГОДЫ)

© 2014 А.А. Волвенко

Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова

Поступила в редакцию 21.01.2014

В статье анализируется правительственная политика, направленная на развитие преимущественно «гражданского быта» казачьих войск в эпоху «Великих реформ». На примере донского казачества показывается сложный процесс подготовки и реализации преобразований с учетом влияния на него различных факторов как внутри-, так и внешнеполитического характера.

Ключевые слова: казачьи войска, донское казачество, правительственная политика, гражданские реформы.

Модернизация Российской империи во втор. пол. XIX – нач. XX в. породила или обострила различные вопросы практически во всех сферах жизни: от экономической и социальной до этноконфессиональной. Наряду с аграрным, рабочим, еврейским, польским, исламским и прочими вопросами с сер. XIX в. актуализируется так называемый казачий. «Замирение» Кавказа и степи, завершение территориальной экспансии привели к изменению статуса большинства казачьих земель. Из окраинных, потенциально опасных для мирной жизни и нормального хозяйствования они переходили в разряд внутренних «губерний». Этот, на наш взгляд, наиболее важный, но далеко не единственный фактор заставлял центральную власть задуматься над следующими проблемами: что делать с многочисленным военизированным населением и занятыми им землями, богатыми природными ресурсами? Как интегрировать казачество – с точки зрения власти, особое военное сословие – в социально-экономическое и правовое пространство империи, меняющееся вследствие отмены крепостного права и утверждающихся капиталистических отношений? Какие условия необходимы для эффективного использования казачества в качестве регулярной военной силы и сельскохозяйственного труженика?

От того, насколько успешно или неуспешно решались упомянутые проблемы, зависела судьба казачества, донского в частности. Власть, предпринимая ту или иную реформу, не могла не учитывать и позицию самого казачества, его отдельных представителей или массовые настроения, опасаясь, быть может, несколько преувеличенного, протестного духа исконных, «природных» казаков. В этом смысле судьба казаче-

ства находилась и в его же собственных руках.

Период с конца 1850-х до начала 1870-х годов в истории казачества связан с активной правительственной политикой, направленной на развитие преимущественно «гражданского быта» казачьих войск. Ее содержание, а также роль самого казачества в преобразовательном процессе являются предметом исследования в настоящей статье.

Когда донской войсковой наказной атаман (далее – в.н.а.) М.Г. Хомутов отправлял рапорт №197 от 31 августа 1856 г. в Военное министерство о необходимости переиздания Положения 1835 года после определенной кодификационной работы<sup>1</sup>, он и не рассчитывал, что его инициатива послужит проводником для будущих преобразований, затрагивающих практически все стороны жизни казачества. Однако первоначально в Управлении иррегулярных войск (далее – УИВ) предложение атамана было воспринято буквально, т.к. действительно с 1835 г. накопилось значительное количество различных законодательных актов, которые меняли или дополняли отдельные статьи Положения. Так, в планах УИВ на 1860 г. предполагалось пересмотреть существующие для казачьих войск войсковые положения, перевооружить иррегулярные войска современным оружием, увеличить жалование казачьим офицерам, развить конно-заводское дело, продолжить казачью колонизацию левого берега Кубани и пр. Все намеченные мероприятия опирались на традиционный взгляд на казачество как исключительно военное сословие, «главнейшая обязанность которого состоит в прочном охранении государственных границ»<sup>2</sup>. В начале 1860 г. в Новочеркасске (как и в других казачьих «столицах») был открыт комитет для пересмотра войскового положения. Его активная деятельность разворачивалась в условиях существенного изменения вектора государ-

*Волвенко Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и права.  
E-mail: avolvenko@mail.ru*

ственной казачьей политики. К обстоятельствам, непосредственно повлиявшим на корректировку курса, следует отнести приход в Военное министерство Д.А. Милютин, отмену крепостного права, предоставление по высочайшему рескрипту Александра II от 24 июня 1861 г. льгот кубанским казакам при заселении предгорий Западной части Кавказского хребта (утверждение частной собственности на войсковых землях), в развернутом виде зафиксированных в специальном Положении от 10 мая 1862 года.

Сличностью Д.А. Милютин (с августа 1860 г. товарищ военного министра, с ноября 1861 г. военный министр) связывают масштабные военные реформы 1860-1870-х годов. Новый министр, по мнению современников, был последовательным и стойким противником сословных привилегий, для него государственные интересы всегда стояли выше всех остальных. Д.А. Милютин являлся убежденным сторонником проведения реформы сверху, которая, по его словам, «должна быть общей для всей империи; всякое исключительное применение к той или другой местности вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество»<sup>3</sup>. Среди выдающихся личных качеств Д.А. Милютин как государственного деятеля и политика его бывший начальник по Кавказской армии кн. А.И. Барятинский в письме к Александру II (1860 г.) обнаруживает и такие черты характера: «...он (Д.А. Милютин. – В.А.) разделяет почти общий недостаток всех русских – ненавидит все, что не Великорусского происхождения, к тому же он со страстью предается своим симпатиям и антипатиям...»<sup>4</sup>. Таким образом, если учесть, что казачество обладало, по мнению современников, значительными привилегиями и особым укладом жизни, занимало территории со специфическим управлением, а до конца не выясненная история «природного» казачества указывала на разные «этнические» источники его происхождения, то можно предположить, насколько непростые должны были складываться взаимоотношения Д.А. Милютин и казачества в целом, и донского в частности. Тема «Милютин и казачество» достойна отдельного исследования, здесь же мы отметим только два документа, которые наиболее ярко демонстрируют отношение Милютин к казачеству, по крайней мере, до начала 1870-х годов.

В 1840 г., готовя ответ на предложение генерала Холанского об обращении всего Кавказского края в «казачье войско», Д.А. Милютин писал: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло...

Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения и там, где исчезнет цель, с которою оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления. Так, например, донское казачество, некогда составляющее касту, исключительно воинственную, теперь организованы на таких основаниях, что, по возможности, более подходят к общей массе народа...»<sup>5</sup>. Программа планируемых Д.А. Милютиным уже в качестве военного министра преобразований, в том числе и в иррегулярных войсках, встречается в его известном высочайшем докладе от 15 января 1862 года. В нем мысли о казачестве «раннего» Милютин получают свое развитие. В самом начале доклада говорилось, что содержание казачества как вспомогательной силы не обходится государству даром, т.к. казачьи полки на действительной службе в мирное время стоят казначейству в год от 8 до 9,5 млн. рублей затрат. Далее затрагивался вопрос, «в какой степени существование казачьих войск, при настоящем их устройстве, доставляет государству выгоды и в отношении экономическом, и в отношении политическом». И хотя ответ на вопрос не подразумевался, его появление в докладе весьма показательно. Главная же задача в отношении казачьих войск виделась в согласовании «сколь возможно, ...исключительно воинского быта целого населения с общими условиями гражданственности и экономического развития». Ее реализацией, как отмечалось в докладе, должны были заняться местные комитеты по пересмотру войсковых положений, т.к. «казаки сами начинают чувствовать, что некоторые из прежних постановлений, считавшихся ограждениями казачьих льгот и прав, обратились в стеснительные оковы для преуспевания интересов вещественных и развития нравственного»<sup>6</sup>.

Использование властью общественного мнения, инициативы «снизу» после истории с рескриптом Назимову являлось апробированным и действенным средством привлечения местных сил для подготовки преобразований и разделения ответственности. В казачьей среде, преимущественно в лице гвардейских офицеров, наиболее образованных и близких к петербургским высшим военным и интеллектуальным кругам, а также казачьих чиновников, работавших при УИВ, зрели идеи по реформированию казачьих войск. В книгах и статьях донского генерал-майора И.И. Краснова, черноморского казака – офицера и писателя И.Д. Попко встречались пожелания о необходимости развития торговли и образования среди казаков, о мерах по поднятию их «гражданского благосостояния», которые в

итоге выведут казачество «на большую дорогу цивилизации»<sup>7</sup>. Более четкую и развернутую программу реформ в отношении донского казачества высказал в своей записке, поданной военному министру в 1859 г., действительный статский советник А.Д. Крылов. С 1858 г. по 1860 г. он с небольшими перерывами находился на Дону, готовя отмену винных откупов, и, видимо, успел неплохо изучить казачий край<sup>8</sup>. Руководствуясь своей главной мыслью, что потенциально богатая природными и людскими ресурсами донская земля используется неэффективно и не приносит должного дохода государству, А.Д. Крылов предложил «сделать из казаков не только военных людей, но и полезных государству граждан» и вывести Землю войска Донского (далее – ЗвД) из «замкнутого», «полудикого» состояния «военной колонии». Для этого он планировал предоставить всем жителям ЗвД, в том числе и иногородним, право полной частной собственности на землю, включая войсковую и общественную, разрешить донским казакам свободно покидать пределы края, а иногородним, наоборот, селиться и приобретать различную собственность на Дону, уменьшить обязательное по штату число полков с ограничением ежегодного требования их на службу и т.д.<sup>9</sup> Записка А.Д. Крылова не была поддержана в Военном министерстве, но его идеи нашли положительный отклик у крупных донских землевладельцев-помещиков.

Отмена крепостного права существенно меняла ситуацию с землевладением на Дону. Бывшие крепостные крестьяне теперь становились собственниками земли с правом ее купли-продажи. Донские же помещики пользовались потомственными участками земли, которые могли быть проданы только представителям казачьего сословия, при этом за войсковыми властями закреплялось право изъятия земельного надела у любого казака-землевладельца. Таким образом, находясь под угрозой сокращения и даже потери рабочих рук, не имея возможности продажи земли или сдачи ее в аренду на более выгодных условиях из-за отсутствия свободных капиталов и богатых арендаторов, поддержать идеи Крылова было в интересах донских помещиков. Сначала в рукописном виде<sup>10</sup>, а затем на страницах периодической печати появились статьи местных авторов, в которых высказывались пожелания о распространении частной земельной собственности, о допущении беспрепятственного проживания иногородних на Дону и владения ими движимым и недвижимым имуществом<sup>11</sup>.

Взгляды крупных донских землевладельцев совпали с решением Александра II предоставить льготы кубанским казакам при заселении пред-

горий Западной части Кавказского хребта. В нач. 1861 г. казаки Хоперского полка и Ейского округа отказались участвовать в колонизации закубанских земель, сославшись на «разорительные» условия переселения<sup>12</sup>. Столкнувшись с прямым физическим противодействием со стороны казаков, власть была вынуждена пойти на уступки. Упомянутыми высочайшим рескриптом и Положением от 10 мая 1862 года земли на новом месте переселяющимся казакам передавались в вечное и потомственное владение, а остающиеся от переселенцев усадьбы и свободные войсковые земли могли продаваться как лицам казачьего, так и неказачьего происхождения. Кроме того, в Положении оговаривались обстоятельства зачисления и выхода из казачьего сословия<sup>13</sup>. За этими решениями стояла фигура наместника Кавказа генерал-фельдмаршала кн. А.И. Барятинского, личного друга Александра II. В его отношении на имя военного министра Н.О. Сухозанета от 2 апреля 1861 г. просьбы переселяющихся станичных обществ о продаже своих земель признавались обоснованными. Кроме того, А.И. Барятинский посчитал, что такая разрешительная мера «потребуется изменения некоторых постановлений общих по всем казачьим войскам», т.к. «замкнутость казачьего сословия» и сложившийся порядок землепользования «...отнимают у казака естественное стремление к улучшению своего быта... мешают гражданскому развитию края; ...составляют резкую аномалию между другими сословиями», «развивают дух отдельности в государстве»<sup>14</sup>.

Переплетение государственных и частных интересов в отношении казачества, разная степень готовности казачьих войск к реформам (обнаружившаяся при рассмотрении примерных программ местных комитетов по пересмотру войсковых положений), а также желание Александра II распространить дарованные кубанским казакам льготы «на прочие войска в видах развития торговли и промышленности»<sup>15</sup> привели Военное министерство к конкретизации своих планов по преобразованию казачества.

В начале лета 1862 г. на рассмотрение местного казачьего начальства поступила записка, озаглавленная как «Соображения учрежденного при УИВ комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках»<sup>16</sup>. Идеи, высказанные в записке, на наш взгляд, задали направление целой эпохе в реформировании казачества со значительным «гражданским» уклоном. «Соображения», изложенные на 32 страницах, требуют отдельного источниковедческого анализа, мы же остановимся, позволив обильное цитирование, на 12-ти основ-

ных вопросах, на которые, по мнению авторов записки, должны были обратить внимание в своей работе местные комитеты. Итак, это:

«1) уравнивание прав Генералов, Штаб и Обер-офицеров, потомственных и личных дворян казачьих населений с правами потомственных и личных дворян Государства, ...отмена для всех означенных лиц обязательной службы и предоставление им выбора рода службы, жизни и занятий в пределах или вне войсковых земель, с исключением или без исключения из войсковых граждан.

2) ограничение числа выставляемых каждым казачьим населением строевых частей..., какое число служащих казаков необходимо для содержания положенного штата числа войск.

3) определение самой системы формирования строевых частей...

4) предоставление излишку населения сверх того числа, какое необходимо на формирование строевых частей с надлежащими сменами, добровольного выхода из войскового сословия; привлечение желающих освободиться..., разными преимуществами и выгодами, оставаться в казачьем сословии и образовывать в войске классы полезных граждан.

5) дозволение казакам низшего сословия исключаться из войск по мере излишка народонаселения...

6) освобождение желающих от обязательной военной службы с потомством, для избрания другого рода жизни и занятий, – отдавая между соискателями преимущество умственному и художественному образованию, капиталу и способностям к практическим занятиям. ... При этом должно быть постановлено, чтобы не служащие в войске потомственные и личные дворяне и освобожденные от обязательной службы простые казаки не пользовались поземельным наделом.

7) уравнивание не служащих классов казаков с соответствующими сословиями в Государстве по правам и обязанностям, исключая рекрутской повинности и подушной подати...

8) допущение приема в казачьи сословия, с согласия Наказного Атамана и станичных обществ, лиц всех сословий, но с тем, чтобы все поступающие в казачье сословие не для военной службы, а для зачисления в местное гражданство, а также потомство казаков, уволенных от обязательной военной службы, не были освобождены от исполнения тех повинностей, как денежных, так и натуральных, которыми они по своему сословию подлежат.

9) дозволение водворяться в казачьих пределах людям всех состояний, без зачисления в казачье гражданство и приобретать недвижимую собственность.

10) допущение в казачьих войсках частной поземельной собственности, посредством продажи свободных войсковых земель, с тем, чтобы общественная земля оставалась в таком количестве, какое необходимо для надела действительно служащих казаков, хотя бы число их и превышало штатное число строевых частей, и чтобы сверх того был достаточный запас земель для надела служащих казаков на случай приращения народонаселения.

11) дозволение обратного перехода из местных казачьих сословий в военную казачью службу, по мере количества свободной общественной земли.

12) предоставление покупателям войсковых земель права полной собственности, с обязанностью платить войску десятичную пошлину и отправлять все земские повинности...»<sup>17</sup>.

Таким образом, «соображения» затрагивали коренные основы казачества: его права и привилегии, земельные отношения, порядок военной службы – и носили поистине «революционный» характер. Для более широкого общественного резонанса, в том числе, видимо, и в расчете на читающую казачью публику, идеи, изложенные в записке, были озвучены в периодической печати. Мысль о том, что «казачество нужно России **не как сословие, а как оружие**» (выделено нами. – А. В.), высказанная в статье «По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках» первого номера «Военного сборника» за 1861 г., получила свое дальнейшее развитие на страницах одного из наиболее влиятельных и популярных журналов второй пол. XIX в. – «Русского вестника» М.Н. Каткова. В статье «О преобразованиях в казачьих войсках» (№8 за 1862 г.) ее автор, подписавшийся псевдонимом «Есаул», в изящной литературно-полемической форме разъяснил практически все основные пункты «Соображений». Используемый псевдоним<sup>18</sup>, а также стиль письма указывают на упомянутого уже И.Д. Попко как на автора публикации. Если учесть, что в это время И.Д. Попко, уже признанный мастер пера, занимал должность штаб-офицера для особых поручений при начальнике УИВ, а также с октября 1861 г. по май 1862 г. состоял членом петербургского комитета по подготовке проекта положения о Кубанском казачьем войске<sup>19</sup>, весьма «либерального» по отношению к казачьим устоям, то в нем можно увидеть если и не одного из авторов «Соображений», то по крайней мере влиятельного казачьего офицера, искренне разделяющего идеи радикального реформирования казачества.

Общественный резонанс в виде всплеска печатного слова на казачьи темы действительно был достигнут<sup>20</sup>, но на Дону он приобрел весьма тревожный для правительства оттенок.

С начала работы комитета по пересмотру войскового положения в местной газете «Донские войсковые ведомости» в неофициальной ее части стали регулярно появляться статьи, в которых обсуждались вопросы текущей деятельности комитета. В 1862 г. на страницах издания развернулась полемика между сторонниками частной собственности на землю и предоставления широких прав иногородним и, соответственно, противниками подобных взглядов, позднее в литературе прозванных «прогрессистами» и «казакоманами»<sup>21</sup>. Идейным покровителем последних являлся начальник штаба войска Донского кн. А.М. Дондуков-Корсаков. Он открыто выступил с критикой планов Военного министерства<sup>22</sup>. По мнению Д.А. Милютин, А.М. Дондуков-Корсаков, пользуясь своим положением, задал «вредное» направление в местной журналистике, причем настолько, что в разбирательстве по поводу некоторых публикаций в войсковых ведомостях участвовал лично Александр II<sup>23</sup>. Таким образом, «Соображения», получившие широкую огласку, еще больше взбудоражили наиболее образованную часть местного общества. В конце лета 1862 г. в.н.а. М.Г. Хомутов выехал в Санкт-Петербург с прошением об отставке. В переписке с бывшим атаманом А.М. Дондуков-Корсаков неоднократно упоминал о «ширящихся в войске слухах и толках», о желании дворянства ввести в состав комитета выборных представителей от всех сословий края и, наконец, о «беспокойствах в станицах»<sup>24</sup>. Назначение в сентябре того же года на должность нового атамана престарелого, умудренного жизнью и опытом, покрытого славой Кавказской войны и широко известного казакам генерала-адъютанта П.Х. Граббе временно стабилизировало ситуацию. Кроме того, планировалось удалить из войска «взбунтовавшегося» начальника штаба, на его место поставив заместителя начальника УИВ донского генерала А.П. Чеботарева, чиновника «прогрессивных» взглядов, близкого друга семьи упомянутого выше генерала И.И. Краснова<sup>25</sup>. Однако П.Х. Граббе попал под влияние А.М. Дондукова-Корсакова, не спешил с его заменой, выступил категорически против фигуры А.П. Чеботарева и поддержал предложение донского дворянства об участии выборных в работе комитета. Из поступавшей информации с Дона Д.А. Милютин сделал вывод о существовании в казачьем крае «партии, которая, опираясь на предания старины, упорно противодействует всякому правительственному распоряжению, не соответствующему ее мечтам о какой-то воображаемой автономии и самостоятельности Донского войска»<sup>26</sup>. На фоне вспыхнувшего в январе 1863 г. восстания в Польше

продолжение А.М. Дондуковым-Корсаковым исполнения обязанности начальника штаба, по свидетельству современника описываемых событий А.А. Карасева, в Петербурге вызвало «опасение, что князь, пользуясь слабостью атамана и опираясь на «казакоманов» и всех тех, кто враждебно смотрел на проект о «гражданских» казаках, решился не слушать приказаний свыше, поднять на Дону тревогу и взбунтовать население»<sup>27</sup>. Отправленный в начале 1863 г. на Дон, под формальным предлогом надзора за рекрутским набором, флигель-адъютант Александра II Н.В. Мезенцев подтвердил прошедшие летом волнения в станицах, «сочувствие» староверческого многочисленного населения партии «казакоманов», а также критику ее сторонниками правительственных мер, «принимающую даже характер оппозиции... крайним проявлением которой суть мечтания некоторых горячих молодых голов... об автономии Донского края». В целом же Н.В. Мезенцев констатировал, что казачество «верноподданнически любит Государя», а для «либеральных идей в Донском крае нравственная почва неудобна к их развитию»<sup>28</sup>. Тем не менее сложившаяся ситуация на Дону продолжала беспокоить центральную власть. Для нормализации обстановки на конец лета 1863 г. была намечена поездка Александра II и наследника престола Николая Александровича в Новочеркасск. 16 февраля 1863 г. А.М. Дондуков-Корсаков был выдворен за пределы ЗвД под присмотром специально для этого присланного из Петербурга генерала Ф.В. Орлова-Денисова<sup>29</sup>, а в апреле того же года Д.А. Милютин уступил требованиям донского дворянства и П.Х. Граббе, разрешив участвовать в работе комитета выборным депутатам (2 представителя от помещного и беспоместного дворянства каждого округа и 1 депутат от каждой станицы)<sup>30</sup>. Однако казаки, прежде всего Новочеркаска, продолжали выражать свое недовольство, теперь уже по поводу строящейся Грушевской железной дороги, имеющей важное военно-стратегическое и торгово-экономическое значение. В беседе с инженером-железнодорожником А.И. Дельвигом, которому предстояла командировка на Дон для разбирательства конфликта, Д.А. Милютин признался: «...не посылать же войска для усмирения казаков особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения царства Польского»<sup>31</sup>. Таким образом, посещение Донской земли царствующими особами приобретало еще большее политическое значение.

31 июля 1863 г. Николай Александрович прибыл на донскую землю для участия в войсковом круге, на котором ему планировалось вручение «пернача» – знака атаманского достоинства. По

традиции, заложенной при Николае I, торжественно передавать пернач должен был отец и государь<sup>32</sup>. Однако Александр II отказался от поездки в Новочеркасск<sup>33</sup>. Ричард Уортман объясняет отсутствие государя «напряженной международной ситуацией»<sup>34</sup>. Тем не менее польские события не помешали Александру II ровно на время нахождения сына на Дону (с 31 июля по 11 августа) выехать в Нижний Новгород, посетить тамошнюю знаменитую ярмарку, выслушать депутацию от торгового сословия, вернуться в Москву, побывать во Владимире и Твери и не провести ни одного более или менее значимого совещания, посвященного волнениям на западных окраинах империи<sup>35</sup>. Думается, что игнорирование Александром II важной для казаков церемонии «освящения» атаманской власти являлось знаком высочайшего недовольства и выражением личной обиды из-за сопротивления большинства казачества, и даже местных властей, правительственным мерам. Казаки или поняли это, или вполне искренне настолько ярко выразили свои верноподданнические чувства, что совершенно «очаровали» молодого Николая Александровича, не преминувшего, впрочем, демонстративно как приехать в ЗвД, так и покинуть ее по Грушевской железной дороге, споры из-за которой к этому времени были уже отрегулированы<sup>36</sup>.

Окончательную точку в «умиротворении» донского казачества поставил Александр II, подписав Высочайшую грамоту Донскому войску 8 сентября 1863 года – в день рождения наследника престола. В грамоте говорилось о сокращении для донских казаков сроков службы: полевой – с 25 до 15 лет, внутренней – с 12 до 7 лет, и, главное, в ней содержались следующие слова: «Мы подтверждаем **все права и преимущества...**, утверждая Императорским словом нашим, как **нерушимость настоящего образа его служения**, стяжавшего войску Донскому историческую славу, так и **неприкосновенность всех выгод, угодий и окружности владений его** (выделено нами. – В. А.), приобретенных трудами, заслугами и кровью предков его и утвержденных за войском Монаршими грамотами 27 мая 1793 г., 30 августа 1811 г., 19 ноября 1817 г. и 23 февраля 1832 г.»<sup>37</sup>. С одной стороны, дарование грамоты в свете прежде демонстративного пренебрежения Александра II к церемонии посвящения сына в атаманы выглядело как императорское прощение, с другой, и, видимо, на самом деле, грамота была уступкой «взбунтовавшимся» казакам<sup>38</sup>. Она, по крайней мере на словах, дезавуировала намерения Военного министерства преобразовать казачество в духе 12 пунктов вышеупомянутых «Соображений».

Получение грамоты и наличие «общественных» депутатов в составе донского комитета по пересмотру войскового положения существенно повлияли на результаты его деятельности. В начале 1864 г. проект нового положения о войске Донском был направлен на рассмотрение в Военное министерство<sup>39</sup>. К сожалению, ни С.Г. Сватикову, ни современному историку Р.Г. Тикиджяну, которому принадлежит отдельная статья о местном комитете, как, собственно, и автору этих строк, не удалось найти проект в законченном цельном виде<sup>40</sup>. Многочисленные же косвенные данные свидетельствуют о том, что ключевым моментом проекта является интерпретация его авторами различных прав и привилегий казаков, закрепленная в 19 статьях трех глав с характерными названиями: «О сословных правах и преимуществах», «Права личные» и «Особенные личные права». В сокращенном виде эти казачьи «права» выглядят следующим образом: вся земля, а также местные войсковые доходы составляют неотъемлемую собственность войска; расходы из войсковых сумм производятся по особому войсковому бюджету; войсковые офицерские чины в правах и преимуществах равняются соответственно чинам армии; административные и судебные должности по внутреннему управлению войска замещаются по выбору общества и только лицами войскового сословия; прием в казачье сословие лиц других состояний запрещается; казачье сословие освобождается от платежей податей в казну и от поставки рекрутов; право общинного пользования простирается только на земли, отведенные в юртовое станичное довольствие, и принадлежит исключительно гражданам станицы; право частного владения на земли простирается только на земли, в частное владение предназначенные; торговля и промыслы, производимые донскими казаками внутри войска, освобождаются от всех казенных пошлин, производимые же вне пределов войска подчиняются общим законам Империи; казакам дозволяется переходить по собственному желанию в другие сословия Империи, но на определенных условиях; войсковые дворяне, потомственные и личные, пользуются всеми личными правами и преимуществами Русского дворянства, с изъятиями, относящимися до воинской повинности; духовенство казачьего происхождения пользуется всеми правами своего состояния, наравне с православным духовенством Империи, но остается в казачьем сословии<sup>41</sup>. Такое видение казачьих прав не могло не отразиться на остальных статьях проекта, в которых не нашлось места частной собственности на землю в ее чистом виде, четко прописанному положению иногородних и бывших крепостных крестьян на Донской земле и т.п.

Разосланный Военным министерством по другим ведомствам для согласования проект получил жесткую критику с их стороны, за исключением, пожалуй, только Святейшего Синода<sup>42</sup>. Главным противником проекта выступил министр внутренних дел П.А. Валуев. Для него совершенно неприемлемыми оказались статьи, в которых допускалось замещение всех должностей по внутреннему управлению войска только лицами войскового сословия, а также запрещался прием в казаки иногородних. Министр увидел в этом «желание поддержать принцип обособления края». По мнению П.А. Валуева, «...подтверждением доводов расширить право казачьего сословия внутри войска и укрепить замкнутость от единства с Империей служит то, что Комитет, проектируя ст.339, относит к обязанностям поземельного отделения: «охранение неприкосновенности войсковых границ», ибо в противном случае, вместо слова «границ», следовало поставить слово «земель», чтобы устранить и самую мысль о неприкосновенности границ между составными частями всего государства. Конечно, – продолжает П.А. Валуев, – настоящее обстоятельство, отдельно взятое, не подлежало бы, может быть, и суждению по мелочности заключающегося в нем предмета, но значение его в совокупности со всеми другими статьями проекта положения, клонящимися к обособлению страны, делается несомненным и не должно уже быть обойдено незамеченным. Наконец, увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст.442 на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоюбого пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подпадают к этому условию»<sup>43</sup>.

Д.А. Милютин полностью разделил мнение критиков проекта и сам лично дал ему негативную оценку<sup>44</sup>. Таким образом, результаты деятельности донского комитета оказались не востребованы как «не соответствующие духу новейшего законодательства»<sup>45</sup>. Неудача с подготовкой положения о Донском казачьем войске является переломным моментом в истории реформирования казачьих войск в 60-70-х гг. XIX века. Несмотря на то, что в представленных проектах положений от других казачьих комитетов, в отличие от донского, в большей степени были учтены пожелания УИВ, в Военном министерстве в дальнейшем отказываются от разработки некоего общего, универсаль-

ного положения, регулирующего практически все стороны казачьей жизни, каким ранее было Положение 1835 г. о Донском войске. В новых бурно развивающихся капиталистических социально-экономических условиях, требующих постоянных правовых корректировок, наличие тяжеловесного, юридически «неповоротливого» положения/положений подразумевало бы его хроническую кодификацию и доработку, что постепенно отдаляло бы его от реальных потребностей жизни. Кроме того, в существовании отдельных казачьих положений можно было при огромном желании увидеть намек на некое подобие конституции и почву для потенциального роста автономистских, как в случае с донским войском, или областнических (например, сибирское войско) идей, что противоречило новому унификационному имперскому курсу, реализуемому под девизом «единая и неделимая Россия». Вместе с тем итоги деятельности казачьих комитетов показали разную степень готовности и восприимчивости отдельных казачьих войск к реформированию, продемонстрировали желание со стороны некоторых казачьих местных администраций и части населения видеть у себя те или иные изменения. Это повлияло на сохранение прежнего курса Военного министерства в отношении казачества и создание в октябре 1865 г. в Петербурге Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений (точнее, его канцелярии), в состав которого вошли наряду с представителями от различных министерств депутаты от казачьих войск<sup>46</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.330. Оп.3. Д.84. Л.17.
- <sup>2</sup> РГВИА. Ф.330. Оп.4. Д.1057. Л.67-73об.
- <sup>3</sup> Дневник Д.А. Милютин. 1873-1875. М., 1947. Т.1. С.31-32.
- <sup>4</sup> Воспоминания Д.А. Милютин. 1816-1843. М., 1997. С.13.
- <sup>5</sup> Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.169 (Д.А. Милютин). Карт. 18. Ед. хр. 16. Л.24-24об. См. также: Воспоминания Д.А. Милютин. 1843-1856. М., 2000. С.31-32.
- <sup>6</sup> Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т.11. Ч.1. Приложения. С.167-171.
- <sup>7</sup> Краснов И.И. О донской казачьей службе. СПб., 1852. С.52-53; Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. В 2-х частях. СПб., 1858. С.291-292.
- <sup>8</sup> Из записок тайного советника А.Д. Крылова // Русская старина. 1880. Т.27. №3-4. С.574-581.
- <sup>9</sup> Коршиков Н. Своевременные советы из прошлого (вступит. статья к «Очерку современного состояния Земли войска Донского» Крылова). // Дон. 1995. №1. С.33-52.

- <sup>10</sup> В феврале 1862 г. член Войскового по крестьянским делам присутствия А. Мелихов составил и подал в.н.а. записку, в которой предложил предоставить донским землевладельцам полное право собственности на землю и создать условия для привлечения в ЗвД иногородних. В июле того же года появилась анонимная записка, отвергающая идеи А. Мелихова. Обе записки стали достоянием гласности и «ходили по рукам» новочеркасской читающей публики, см.: Донские войсковые ведомости (далее – ДВВ). 1862. №44.
- <sup>11</sup> Русский инвалид. 1862. №285, 1863. №4; ДВВ, 1862. №44, 45; 1863. №12, 13, 14.
- <sup>12</sup> Барилко И.Г. Из воспоминаний. Ставрополь, 1912. С.5-32; Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. // Кубанский сборник Т.XVI. Екатеринодар, 1911. С.311-316.
- <sup>13</sup> Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России. СПб., 1862. С.20-21, 34.
- <sup>14</sup> Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.377. Оп.1. Д.12. Л.30.
- <sup>15</sup> РГВИА. Ф.330. оп.1. Д.111. Л.43об.
- <sup>16</sup> ОР РГБ. Ф.169. Карт. 23. Ед. хр. 20. Сотрудники ОР РГБ ошибочно датировали «Соображения...» 1866 годом. Вероятно, основанием для такой датировки послужило упоминание Д.А. Милютиним под 1866 годом некой «пространной программы», в которой излагались идеи по преобразованию казачьих войск, см.: Воспоминание Д.А. Милютина. 1865-1867. М., 2005. С.403. Внимательный анализ текста «Соображений...» показывает ошибочность данной датировки.
- <sup>17</sup> ОР РГБ. Ф.169. Карт. 23. Ед. хр.20. Л.12-13об.
- <sup>18</sup> Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т.4. С.381; См. также: Шевченко Г.Н. И.Д. Попко. Историко-биографический очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Краснодар, 1991. С.61-69.
- <sup>19</sup> ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.12.
- <sup>20</sup> Русский инвалид. 1862. №285, 1863. №4; Русский вестник. 1862. №8; Современная летопись. 1862. №41; См. также: Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.55. Оп.1. Д.34; РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.111.
- <sup>21</sup> См.: Волвенко А.А. Украинский «след» в донском казачьем сообществе в 1860-х гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов-на-Дону, 1913. С.15-19
- <sup>22</sup> Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.932. Оп.1. Д.121. Л.2.
- <sup>23</sup> В фонде Д.А. Милютина ОР РГБ хранится переписка между военным министром, Н.И. Карлгофом и в.н.а. П.Х. Граббе по поводу «вредного» направления в войсковых ведомостях и авторитета А.М. Дондукова-Корсакова среди местных «журналистов» (ОР РГБ. Ф.169. Карт.52. Ед. хр.1; Карт.62. Ед. хр.33; Карт.64. Ед. хр.76). О важности властного контроля над «прессой» и необходимости введения жесткой цензуры свидетельствуют материалы отдельного дела, посвященные публикациям в донских ведомостях (РГВИА. Оп.7. Д.109). Поводом для его формирования послужило личное ознакомление Александра II с информацией о том, что «на Дону издается секретная рукописная газета «Будильник», которая сначала имела направление сатирическое..., а потом стала выражением мнения людей, мечтающих о невозможном восстановлении донской старины..., раздувающих ненависть к Правительству и ко всему Русскому. Эта же партия людей сделала своим органом и официальную Донскую газету, не допускает в печать никакие мнения, не подходящие к образу ее мыслей... и вообще стремится к тому, чтобы посредством официальной газеты овладеть общественным мнением на Дону и управлять им по своему произволу и для своих целей». Там же. Л.1-1об.
- <sup>24</sup> РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.119. ЛЛ.2-16.
- <sup>25</sup> ОР РГБ. Ф.169. Карт.52. Ед. хр.1. Л.10-10об. О дружеских связях А.П. Чеботарева и И.И. Краснова упоминается в: Воспоминания донского казака (Из записок генерал-лейтенанта А.П. Чеботарева) // Военный сборник. 1884. №2. С.323.
- <sup>26</sup> ОР РГБ. Ф.169. Карт.52. Ед. хр.1. Л.15.
- <sup>27</sup> Карасев А.А. Бунт на Дону // Исторический вестник. 1900. Т.80. С.171.
- <sup>28</sup> ОР РГБ. Ф.169. Карт.62. Ед. хр.32. Л.30-32. См. милютинскую версию описываемых событий: Воспоминания Д.А. Милютина. 1860-1862. М., 1999. С.376-379.
- <sup>29</sup> Карасев А.А. Указ. соч. С.171-172; Донцы XIX века. Новочеркасск, 1907. Ч.1. С.315.
- <sup>30</sup> РГВИА. Ф.330. Оп.3. Д.84. Л.267об.
- <sup>31</sup> Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига. 1820-1870. М., 1935. Т.2. С.214.
- <sup>32</sup> Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т.1. С.89
- <sup>33</sup> Первоначально Александр II собирался приехать на Дон. Подготовка программы его пребывания на Донской земле велась с января 1863 года. В марте Александр II предварительно утвердил проект встречи с войсковым кругом императора и наследника престола. Однако с мая 1863 г. в документах, связанных с поездкой, фигурирует уже один наследник. РГВИА. 330. Оп.7. Д.5. Л.1-2, 17-19, 43.
- <sup>34</sup> Уртман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С.156.
- <sup>35</sup> Воспоминания Д.А. Милютина. 1863-1864. М., 2003. С.220-223.
- <sup>36</sup> Императрица, мать наследника, сопровождавшая сына в поездке, сказала в.н.а. П.Х. Граббе на прощание: «Я не проехала по Дону, меня пронесли на руках!». Русский инвалид. 1863. №208 (22 сентября). См. подробности пребывания наследника на Дону: Письма о путешествии государя наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С.426-524.
- <sup>37</sup> ПСЗ. 2-е собр. СПб., 1866. Т.XXXVIII. Отд.2. С.12-13.
- <sup>38</sup> По сведениям местных ведомостей: «На гулянье в Александровском саду (Новочеркаска. – А. В.), перед вечером 8 сентября разнеслась весть о пожалованной грамоте Александра II. Встречавшиеся, наперыв, поздравляли друг друга с общею радостью, собирались группами, весело толковали о событии». По случаю получения царской грамоты на 1 октября 1863 г. был назначен Войсковой круг, на который прибыло 108 станичных атаманов и 524 депутата (по 3 от 1 станицы). В завершение церемонии круга около 500 человек подписали благодарственный адрес Александру II, оканчивавшийся словами: «по закону для службы нашей будет срок, а по совести – срока этого не будет». См.: ДВВ, 1863. №42. Часть неофициальная.
- <sup>39</sup> РГВИА. Ф.330. Оп.8. Д.7. Л.2-3
- <sup>40</sup> Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549-1917 гг.). Белград, 1924. С.346-348; Тикиджян Р.Г. Реформы 60-70-х гг. XIX в. в России и деятельность «Донского кодификационного комитета» // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону, 1996. Ч.2. С.31-36; Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донс-



ком // СКНЦ ВШ. Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. Ростов-на-Дону, 2006. №1. С.20-24.

<sup>41</sup> РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.55. Л.29-29об.

<sup>42</sup> Там же. Оп.8. Д.7. Л.101

<sup>43</sup> Там же. Оп.1. Д.47. Л.64об.-67.

<sup>44</sup> Известно, что Д.А. Милютин один экземпляр донского проекта оставил у себя «для прочтения», а напро-

тив возражений П.А. Валуева карандашом сделал пометку: «с которыми я вполне согласен». См.: РГВИА. Ф.330. Оп.8. Д.7. Л.8, 48.

<sup>45</sup> Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т.11. Ч.1. С.412.

<sup>46</sup> РГВИА. Ф.330. Оп.9. Д.39.

## **THE DON COSSACKS IN GOVERNMENTAL POLICY AT THE ERA OF «GREAT REFORMS» (THE 1860-1870s)**

© 2014 A.A. Volvenko

Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute

The article is devoted to the governmental policy aimed at the development of the predominantly «civil life» of Cossack troops during the era of «Great reforms» (the reign of the Emperor Alexander II). On the example of the Don Cossacks the author reconstructs a complex process of preparation and realization of the reforms taking into account the influence of various factors such as intra- and foreign policy issues.

Keywords: Cossack troops, Don Cossacks, governmental policy, civil reforms.